

«Повесть» князя И. М. Катырева-Ростовского (1626 г.). Здесь находим и вариацию самоуничжительной формулы:

Сие писание в конце преити едва возмогох
И в труде своем никоея ползы обретох.⁹

Наряду со стихотворной молитвой, предисловием и авторской пометой «эпоха начал» знала также жанр богословской полемики. В этом жанре подвизались Иван Наседка и князь И. А. Хворостинин. Первый из них, ортодоксальный начетчик, равно неприязненный и к украинскому богословию, и к греческим «шатаниям», не говоря уже о католицизме и протестантстве, включил рифмованные пассажи в сборник «Изложение на люторы» (составлен не позднее 1625 г.).¹⁰ Стихотворный текст у Наседки формально не отделяется от прозы, он возникает неожиданно и обрывается внезапно. В этом смысле Наседка — прямой наследник таких писавших рифмованной прозой авторов, как составитель «Иного сказания» или Авраамий Палицын. С последним Наседка был знаком и лично: Авраамий Палицын был келарем Троице-Сергиева монастыря, с которым Наседка был связан с молодости. Еще при Борисе Годунове он служил в церкви села Клементьева близ этой обители, весной 1611 г. рассылал из Троицы грамоты по городам, а затем там же вместе с Дионисием Зобниновским и Арсением Глухим занимался исправлением Требника и других служебных книг. С рифмованной прозой начала XVII в. Наседку связывает и сравнительно частое употребление тавтологической рифмы (утешно—безутешно, дивитися—дивитися, божий—божий, место—место, до конца—без конца, ведомо—сведомо). Однако в «Изложении на люторы» (в рифмовой технике) уже ощущается воздействие «двоестрочных согласий», противопоставленных прозе.

Богословский трактат князя И. А. Хворостинина,¹¹ где разбираются многие догматические и обрядовые установления католичества, не признанные православной церковью (причастие под одним видом, крещение обливанием без миропомазания, догмат о чистилище), состоит из следующих частей: «Предисловия», «Обращения ко архиерею о священном чине», двух «Молитв», «Повести, или Возглашения к господу на римлян» и «Двоестрочного согласия вместо предисловия к читателю». Все они, за исключением центральной и по содержанию, и по объему «Повести на римлян», выполняют обрамляющую функцию и по жанру аналогичны указанным выше памятникам Гозвинского и Евстратия. Финальное «двоестрочное согласие», как и следовало ожидать, пронизано автобиографическими намеками. «Повесть на римлян» разделена на главы, объединенные чисто механически («О лжепастырях», «О латынской гордости», «Честь веры», «Крещение безмирна у римлян», «Римская церковь», «О душевном даре», «О прелестях римских», «О гонении на святую церковь»). Каждая из них — монографический анализ одной богословской темы; они существуют в рамках единого произведения лишь благодаря общей полемической задаче. Этот принцип немотивированной связи И. А. Хворостинин мог наблюдать в любом прозаическом трактате.

⁹ См.: Андрей Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 314.

¹⁰ Дм. Цветаев. Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887, стр. 87.

¹¹ См.: В. И. Савва. Сочинения князя Ивана Андреевича Хворостинина. — В сб.: Вновь открытые полемические сочинения XVII в. против еретиков. СПб., 1907, стр. 7 и след. (по рукописи ГПБ, собрание Михайловского F.100 — это единственный список стихотворного трактата И. А. Хворостинина).